

МЕТАФОРИЗМ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ФИЗИКАЛИЗМ VS БИОЛОГИЗМ¹

Д.П. ФРОЛОВ,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой маркетинга и рекламы,
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград,
e-mail: ecoddev@mail.ru

В статье представлен критический обзор физических и биологических метафор в институциональной экономической теории. Обосновано, что физические (в том числе механистические) аналогии наиболее адекватны для ассоциативной характеристики статики и кинетики институциональных систем, а биологические – для образного описания их эволюции. Выявлена двойственность эффектов метафоризации категориального аппарата институционализма – преодоление редуccionизма и усиление неоднозначности. Показана продуктивность использования метафор и аналогий из наиболее развитых, авангардных областей естественно-научных исследований.

Ключевые слова: метафоры; институционализм; физикализм; биологизм; институты; эффект колеи; «трение»; дисфункции; «ловушки»; генетика; эволюция.

METAPHORISM OF INSTITUTIONALISM: PHYSICALISM VS BIOLOGISM

D.P. FROLOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Head of Marketing and Advertizing Department,
Volgograd State University,
Volgograd,
e-mail: ecoddev@mail.ru

The critical review of physical and biological metaphors in the institutional economic theory is presented in the article. The author proves that physical (including mechanistic) analogies appropriate most for the associative characteristic of a statics and kinetics of institutional systems, whereas biological ones fit more for the figurative description of their evolution. The duality of effects of institutionalist categorial apparatus metaphorization – namely, overcoming of reductionism and ambiguity strengthening – is revealed. Efficiency of use of metaphors and analogies from the most developed, vanguard areas of natural science researches is shown.

Keywords: metaphors; institutionalism; physicalism; biologism; institutions; path dependence; friction; dysfunctions; «traps»; genetics; evolution.

JEL classification: B15, B52.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-32-01298.

Метафоризм – «ахиллесова пята» и «эвристический бич» институционализма. Не счесть примеров конструирования представителями этого «одиозного» научного направления образных терминов, так и не приобретающих свойств четких и однозначных научных категорий. Безусловно, следует признать целерациональным «использование более или менее метафизических выражений, которые, не обозначая ничего точного, могут одновременно обозначать все что угодно и тем самым спасают автора от возражений», поскольку «не могут быть предметом строгих рассуждений» (Алле, 1995. С. 96). Широкое применение институционалистами образного языка аналогий отражает общую логику эволюции научного познания и специфику траектории развития самого институционализма. Несмотря на уже третью «волну» в его жизненном цикле (Ананьин, 2013. С. 33), следует констатировать, что этап конвенционализации методологии и терминологии неоправданно затянулся, сопровождаясь (в условиях конкуренции с неоклассическим мейнстримом) снижением внутринаучных барьеров введения в оборот новых понятий и концепций (своего рода «терминологическим демпингом») с целью расширения масштабов исследовательского сообщества и повышения влияния на академическую и политическую сферы. Параллельно происходит интенсивное усложнение изучаемой предметной области, что приводит к преобладанию в большей степени ассоциативного описания эмпирически обобщенных, но все еще поверхностно понимаемых явлений институциональной реальности.

Поэтому важно осознать в целом неизбежный и объективный характер, а также определенную полезность метода метафоризации для дальнейшего развития унифицированной системы категорий, точно определяющих институциональные явления, процессы и отношения в экономике. Ведь «язык метафоры – это всегда мускулистый язык, на котором хорошо сказано о сути дела» (Мамардашвили, 2002. С. 59). Но по мере преодоления институционализмом своих «детских болезней» и углубления институционализации как сообщества исследователей, так и программы исследований метафоризм будет оказывать все более негативное, сдерживающее влияние на прогресс его фундаментальных и прикладных разделов. Отчасти это происходит уже сейчас. С одной стороны, «яркие» образы способствуют преодолению барьера непонимания новых концепций, стимулируют вовлечение новых объектов и идей в исследовательское поле институционализма, с другой, – гораздо чаще индуцируют непродуктивные, близкие к схоластическим дискуссии и уводят в сторону от уточнения и развития терминологического аппарата; при этом одни метафоры слабо связаны с другими, недостаточно специфицированы их позиции в общей системе понятий и категорий. Массив образных терминов огромен и непрерывно расширяется; среди них – институциональные «климат» и «ядро», «стержни» и «переходы», «ломка» и «утомленность», «лабиринты» и «вакуум», «матрицы» и «дыры», «вязкость» и «мутации» и др. Но если «метафора – инструмент огромной концептуальной силы» (Brown, 2003. P. 14), то компаративный анализ метафорических конструкций и наиболее распространенных аналогий – это своеобразная методологическая рефлексия, имеющая фундаментальное значение для развития любой науки или научного направления.

В современной институциональной экономике сформировались два господствующих класса метафор – физические и биологические. Первые опираются на теоретические разделы физики, в том числе механики, а также инженерных наук, неразрывно увязываясь «с академическими целями преобразования экономической теории в детерминистскую науку, такую как ньютоновская механика» (Варго, Лаш, 2006. С. 101); вторые основаны на подчас слишком буквальном восприятии фразы А. Маршалла о том, что «Меккой экономиста является скорее экономическая биология, нежели экономическая динамика» (Маршалл, 1993. С. 53). Оба направления метафоризации достаточно уверенно развиваются, расширяя масштабы научного оборота продуцируемых ими ассоциативных, образных понятий, постепенно перерастая в крайние формы – физикализм (Neurath, 1931) и биологизм. В результате неуклонно растущая аморфность категориального аппарата институциональных исследований в большей степени препятствует их интенсивному развитию, нежели способствует мультидисциплинарному синтезу, сдерживая релевантное отражение изучаемого аспекта объективной действительности в согласованных научных терминах.

Насколько эвристически ценны институциональные метафоры и каковы их негативные эффекты? Органичен ли метафоризм (как способ отражения реальности) институционализму, релевантен ли его предмету и методу? Как соотносится продуктивность физических (в частности, механистических) и биологических метафор и есть ли у них будущее? Попытки ответов на эти

дискуссионные вопросы имеют, на наш взгляд, существенное значение для методологического самоопределения институциональной экономической теории.

1. Физические метафоры: «дороги», «колеи» и «трение»

Многие теоретики размышляли об адекватных для экономических наук аналогиях, среди них и один из лидеров современной эволюционной экономики К. Допфер: «Могут ли экономические явления моделироваться по аналогии с диссипативными или синергетическими структурами, как это делается в физике или химии, или биология должна стать соответствующим ориентиром?» (*Dopfer, 2006. С. 333*). По его мнению, фундаментальной проблемой естественно-научных аналогий является, во-первых, их соотнесение с неживой природой, механизмы функционирования и развития которой качественно отличаются от способов эволюции живых систем; во-вторых, тот факт, что элементы неживой природы, такие как атомы и молекулы, являются закрытыми системами, тогда как живые частицы открыты не только термодинамически, но и информационно. Поэтому, хотя неоклассическая концепция равновесия базируется на мощной аналогии, но метафоры такого рода больше отвечают задачам обучения, нежели научным исследованиям, поскольку их строгая и логичная доказательная база подменяется своеобразным «нимбом самоочевидности» (*Dopfer, 2006. С. 328, 333–334*).

П. Самуэльсон, обобщая применительно к экономике физический принцип Ле Шателье, тем не менее саркастически замечал в своей Нобелевской лекции: «Нет ничего более жалкого, чем экономист..., пытающийся провести аналогию между физическими теориями и экономическими концепциями. Сколько тоскливых работ мне приходилось рецензировать, в которых автор искал аналогий экономических категорий с энтропией или той или иной формы энергии» (*Самуэльсон, 2004. С. 94–95*). Тем не менее с 1990-х гг. активно развивается эконофизика, междисциплинарное научное направление, связанное с применением передовых методов физических исследований к анализу экономических процессов. Несмотря на то, что вопросы взаимодействия физики и экономики поднимались гораздо раньше, только бурное развитие синергетики позволило адаптировать аналитический инструментарий теоретической физики к изучению нелинейных и подчас турбулентных процессов развития хозяйственных систем (*Занг, 1999*). Инструментарий эконофизики формируют квантовая и статистическая механика, физическая кинетика, неравновесная термодинамика, теория динамических систем и хаоса и др. (*Харитонов, Ежов, 2007; Cockshott, Cottrell, 2009*). Институционалисты задействуют эти фундаментальные подходы далеко не в полном объеме, прибегая лишь к поверхностным сравнениям и проведению общих аналогий через использование универсальных понятий типа бифуркации, хаоса, синергического эффекта и т. д.

Институциональные процессы относятся к классу трудноформализуемых, что вызывает попытки использования технологий формализации из других областей научного знания. По мнению Е. Попова, распространение институтов можно по аналогии с процессами диффузионного перемещения вещества описывать законами диффузии А. Фика (1855) (*Попов, 2008*). Эта оригинальная гипотеза нуждается в дополнительном обосновании, поскольку законы Фика – это законы диффузии в идеальных растворах при отсутствии внешних воздействий, т. е. их адаптация в рамках институциональной экономической теории позволяет описать диффузию институтов лишь в абстрактной хозяйственной системе, что, в принципе, тоже важно. Но высокоабстрактное моделирование не расширяет научных представлений об институциональной эволюции, ведь «возникновение столь сложных и разнообразных форм, ... не может быть описано математическими моделями, в основе которых лежат простые законы. При помощи таких моделей мы можем объяснить только существование сложных форм в данный момент и в данном месте» (*Томпсон, 1998. С. 122*). *Физические аналогии обнаруживают свою очевидную гносеологическую несостоятельность при объяснении закономерностей эволюции институтов, хотя могут оказаться полезными для иллюстрации принципов динамики институциональных процессов.*

При этом часто игнорируется, что естественно-научные метафоры, используемые в экономике, должны по возможности отражать наиболее передовые и актуальные достижения физики. В противном случае теряется смысл применения аналогий. Например, до появления компьютеров наиболее распространенной метафорой природы человека был паровой двигатель (*Ланир, 2011. С. 54–55*), но никому не придет в голову использовать этот образ для иллюстрации индивидуального выбора на современных рынках. *Морально устаревшие аналогии – наиболее вредный (или, как минимум, бесполезный) путь междисциплинарных взаимодействий*

экономической науки. Так, метафору корпускулярно-волнового дуализма (КВД) применительно к институтам использует Г. Клейнер, в концепции которого «соединяются, с одной стороны, «корпускулярная» точка зрения, где основное внимание уделяется поведению и взаимодействию экономических субъектов – своеобразных корпускул, с другой стороны – “волновая” или “средовая” точка зрения, согласно которой изменение институциональной системы рассматривается как результат взаимодействия сред» (Клейнер, 2004. С. 86). Но принцип КВД для современной теоретической физики представляет сугубо исторический интерес как переходная стадия к пониманию поведения квантовых объектов путем их интерпретации с помощью аксиоматики и инструментария классических теорий. Неочевидно, имеет ли смысл использовать корпускулярно-волновую аналогию в отношении институтов или же более целесообразно прибегать к метафорам квантовой физики.

Широкое распространение получило понятие «институциональный вакуум», восходящее к концепции «структурных пустот» Р. Берта (Burt, 1995) и рассматриваемое как совокупность «белых пятен» нерегулируемых законом видов и форм деятельности, «серых зон» свободной интерпретации формальных правил и «пробелов» в неполных контрактах. Однако в квантовой физике под вакуумом понимается пространство, полностью свободное от реальных частиц, но заполненное квантованным полем в низшем энергетическом состоянии, что не позволяет отождествить вакуум с пустотой, как это следовало из постулатов классической физики: другими словами, «небытие как отсутствие и частиц и поля невозможно» (Мартыненко, 2001. С. 86). В отсутствие институтов деятельность любого вида в любой сфере становится невозможной. Институциональный «вакуум», как и мир с нулевыми транзакционными издержками, – не просто абстракция чрезвычайно высокого порядка, но исключительно умозрительные конструкции, не имеющие никаких «точек пересечения» с реальностью.

В большей степени метафора, чем «теория поля противостоит атомистическому и механистическому видению» (Бурдые, 2007. С. 143) институциональной реальности, делая акцент на «силовых отношениях», заполняющих «неоклассические дыры» (Ерзнкян, 2003) в экономическом пространстве. Следуя концепции П. Бурдые, институты «следует представлять себе не как пассивные свойства, а как активно действующие силы», формирующие институциональное пространство «подобно тому, как электромагнитные силы образуют электромагнитное поле» (Сокулер, 2003. С. 25). Отсюда возникают интерпретации институтов как аналогов силовых линий электромагнитного поля, формирующих его структуру (Кирдина, 2012). Более четко институциональное пространство может быть содержательно раскрыто как гетерогенное, динамично меняющееся социально-силовое поле действий и транзакций агентов статусных функций (институций) и функциональных структур (институтов) в системе общественного разделения и кооперации деятельности и в рамках нормативно-правовой и неформально-ценностной среды (Иншаков, Фролов, 2007). В целом *полевая аналогия в не меньшей степени релевантна природе институциональных систем, чем популярная сетевая метафора*. Ведь если содержанием экономического пространства являются лишь субъекты – варьирующиеся в масштабах от узла (node) до центра (hub), – и сетевые структуры связей между ними, то институциональность фактически не вписывается в эту научную «картину мира».

Физика уже прошла путь от изучения частиц к познанию сил (в том числе полей) и их взаимодействию с частицами; экономическая наука пока находится лишь в начале этого пути, что явно предполагает использование прогрессивных аналогий и их адекватную адаптацию к предмету исследований. Возможно, продуктивной могла бы стать физическая метафора струн, определяющее свойство которых – натяжение, меняющееся в зависимости от уровня энергии среды; при этом «хотя струны и выглядят как точечные частицы, все же главное в них то, что они не являются точечными» (Вайнберг, 2004. С. 169). На основе этой аналогии возможен переход от неоклассического представления экономической системы как набора идеализированных «точек» разного размера (атомизированных индивидов, изолированных фирм и т. д.) к анализу институциональных структур с вариативной топологией, чувствительной к средовым изменениям, в том числе фракций, коалиций, кластеров и др.

Критикуя неоклассическую «механическую модель фирмы», О. Уильямсон ввел понятие «организационной атмосферы», характеризуемой тремя подсистемами – контролем работы, системой стимулов и механизмами урегулирования споров (Williamson, 1993. P. 116, 135). Как отмечают современные исследователи, «на наш взгляд, атмосфера – одна из главных, ориги-

нальных догадок в работах Уильямсона, особенно потому, что она позволяет обходить неоклассическую теоретическую структуру и предлагает новое видение фирмы» (*Baudry, Chassagnon, 2010. P. 493*). Однако операциональность и инструментальность данной концепции крайне низки, оставляя ее в области «высокой теории» в качестве орудия упорно продолжаемой борьбы институционализма с неоклассикой. Современные концепции климата базируются на теории турбулентности, а главными его характеристиками физики считают изменчивость и системность, подчеркивая, что «атмосфера не самодостаточна» (*Монин, Шишков, 2000. С. 420, 422*). В случае теории фирмы идея «организационной атмосферы» важна в большей степени как очередной критический выпад в сторону неоклассических моделей, чем как «реперная точка» формирования новой парадигмы.

Институты невидимы и неосязаемы, поэтому понятно стремление экономистов к использованию аналогий из материального, предметного мира. В частности, культурный контекст институциональной эволюции рассматривается Д. Норт «в широком смысле, как строительные леса, поддерживающие и определяющие возможности взаимодействия между людьми... Они в равной степени являются неформальной структурой норм, конвенций и моделей поведения. И более того, они являются тем способом функционирования институциональной структуры, при помощи которого она отвечает на другие факторы» (*Норт, 2010. С. 79, 84*). Кстати, за аналогичную метафору К. Маркс критиковал П. Прудона, у которого «последовательность категорий превращается в подобие строительных лесов» (*Маркс, 2010. С. 484*). В исходном значении строительные леса – это временная, вспомогательная, многоярусная конструкция для пребывания на высоте рабочих, оборудования и материалов при проведении строительно-монтажных, ремонтных и иных работ. Помимо того, что институты создаются людьми и имеют многоярусную (многоуровневую) структуру, других явных аналогий со строительными лесами у них не обнаруживается. Институты редко носят временный характер и вообще не всегда целенаправленно проектируются, они не являются вспомогательными конструкциями, а имеют системное значение для экономических взаимодействий, будучи комплексным эндогенным фактором их осуществления.

Г. Клейнер справедливо критикует образные интерпретации институтов как барьеров, перегородок или заборов: «В каждый конкретный период появление того или иного общественного института соответствует не столько строительству новой перегородки или барьера, сколько прокладыванию через пересеченную местность дороги, позволяющей при желании двигаться в нужном направлении, причем часто эта дорога возникает как побочное следствие строительства барьера» (*Клейнер, 2004. С. 20*). Надо признать удачной метафору дороги, поскольку помимо акцента на позитивной функции институтов (в русле отказа от их интерпретации как пространства для девиаций) (*Dequech, 2013*), она согласуется с широко употребляемой метафорой колеи (*path dependence*). Развивая «дорожную» ассоциацию, можно интерпретировать правила как целенаправленно спроектированные и проложенные трассы, пешеходные дорожки, тротуары и т. д., а нормы – как стихийные тропы и дороги, прокладываемые в объезд неудачно расположенных трасс. Вместе с тем, неясно, относятся ли к институтам дорожные знаки, ограждения, светофоры и другие устройства для регулирования реального дорожного движения и каково его (движения) институциональное содержание: ведь институты «служат не только рамками, направляющими экономическую деятельность, но и ее составной частью» (*Ананьин, 2013. С. 44*). В результате *сильная метафора скорее запутывает понимание сущности институтов, нежели способствует его прояснению*. В свою очередь Д. Норт указывает на некорректное употребление и даже злоупотребление метафорическим понятием колеи, подчеркивая, что «эффект колеи» не является «инерцией», он представляет собой ограничение возможностей выбора, существующих в настоящем, основанное на историческом опыте прошлого» (*Норт, 2010. С. 83*). В этом случае также проявляется *обратная сторона образности – неоднозначность интерпретации*, которая хороша для искусства, но губительна для науки, создавая широкий простор для формирования теоретического эффекта «многообразия запутанности» (*Додин, Коваленко, 2009*).

Механистична по своему содержанию и концепция «примесей» Дж. Ходжсона. Под «примесями» (*impurities*) им понимаются институты, «вторгающиеся в экономическую систему того или иного типа» (*Ходжсон, 2003. С. 365*), т. е. необходимые для ее функционирования, но не играющие доминирующей роли. При этом игнорируется накопленный в смежных науках (химии, экологии, геологии, материаловедении и т. д.) опыт классификации примесей, среди кото-

рых выделяют случайные, скрытые, вредные и др. Хотя «любая система зависит от ее примесей» (*Hodgson, 1999. P. 125*), они могут оказывать на нее различное воздействие. Отстаиваемая Дж. Ходжсоном политика экономического плюрализма предполагает сочетание административных и рыночных методов и инструментов, государственных и частных институтов, т. е. своеобразное «примешивание» плановых элементов к капиталистической системе. Но игнорирование многообразия самих институциональных «примесей» приводит к их одностороннему пониманию и не позволяет сформировать полноценной теории, что признает и сам автор (*Hodgson, 1999. P. 127*).

Институциональные экономисты «часто проводят аналогию между феноменом трения в мире физических объектов и трансакционными издержками... Данная аналогия позволяет говорить о всеобщем распространении трансакционных издержек» (*Шаститко, 2002. С. 213*), но не более того. Красочная метафора «издержки трения в экономической системе», введенная в научный оборот О. Уильямсоном еще в 1985 г. (*Уильямсон, 1996. С. 53*), стала подобна так называемым «кочующим цитатам», настоящий смысл которых уже забыт и искажен, но по инерции их все еще используют. В механике снижение трения означает повышение коэффициента полезного действия, а в экономике минимизация трансакционных издержек рассматривается как характеристика роста эффективности институтов и ориентир институциональной политики.

Обоснованная Р. Коузом абстрактная модель хозяйственной системы с нулевыми трансакционными издержками породила у институционалистов опасный стереотип о необходимости максимального сокращения этого вида затрат. Хотя, согласно современным концепциям науки о трении (трибологии), «без обеспечения в подавляющем большинстве подвижных сопряжений машин низкого трения невозможно их эффективное функционирование» (*Фролов, 2008. С. 416*), ясно, что «при снижении общего трения до нуля само движение станет проблематичным», поэтому «сравнение с трением, которое имеет и позитивное значение, потому что обеспечивает само движение, которое дает О. Уильямсон, вполне адекватно» (*Сухарев, 2012. С. 50*). В присущем ему метафоричном стиле Г. Клейнер уподобляет институты железнодорожным рельсам, «обеспечивающим снижение неопределенности движения состава за счет регулирования сил трения: усиления “полезного” трения, не дающего составу сойти с рельсов, и ослабления “вредного” трения, замедляющего качение колес» (*Клейнер, 2006. С. 114*). Как и трение в физических системах, трансакционные издержки в экономических системах необходимо оптимизировать в пределах нормы для разных сфер, видов и форм деятельности. Сама по себе метафора «полезного» и «вредного» трения лишь приближает к пониманию параметрической многогранности трансакционных издержек.

Сложившаяся классификация данного вида издержек, предполагающая их деление на постоянные и переменные, рыночные, управленческие и политические и т. д., явно неполна. Особое значение имеет разграничение в их структуре общих и удельных затрат. Рост общих трансакционных издержек в экономике отражает прогрессивное усложнение процессов, форм и результатов дифференциации и интеграции человеческой деятельности. Снижение удельных трансакционных издержек связано с минимизацией затрат на осуществление каждой отдельной трансакции за счет эффективных информационных технологий и сервисов, оптимизации функций и структур, упрощения процедур, унификации правил и требований, типизации контрактов и моделей взаимодействий и т. д. Поэтому интегральная эффективность институтов тем выше, чем в большей степени они максимизируют общие и минимизируют удельные трансакционные издержки (*Фролов, 2011a; 2011b*). Эта концептуальная позиция – необходимый шаг в направлении создания позитивистской институционально-эволюционной теории, преодолевающей устаревшие представления об институтах как ограничениях деятельности и трансакционных издержках как негативных следствиях «трения» в экономических механизмах.

2. Институциональный метафоризм в действии: «ловушки» vs дисфункции

Наглядным примером использования физических метафор является обоснованная В. Полтеровичем теория институциональных «ловушек», предметом которой являются неэффективные равновесные состояния нормативных систем с запретительно высокими издержками их преодоления. Согласно авторскому определению, «институциональная ловушка – это равновесие, в котором агенты выбрали норму поведения, не эффективную по сравнению с другой

нормой, также являющейся равновесной при тех же внешних условиях» (Полтерович, 2006а. С. 7). Проблемы, освещаемые теорией «ловушек», вплотную соприкасаются (но не пересекаются) с предметной областью развиваемой О. Сухаревым теории институциональных дисфункций, изучающей причины, формы и последствия качественного нарушения функций экономических институтов (Сухарев, 2002. С. 70). Индикатором накопления критической массы методологических затруднений в данной области знаний стала дискуссия о соотношении рассматриваемых понятий.

В первом приближении «ловушка» характеризует относительную неэффективность институтов в сравнении с их дискретными альтернативами (т. е. функционально близкими институтами – субститутами), а дисфункция – по сравнению с нормой их функционирования или эталонным состоянием (Полтерович, 2006б). Однако высказывается мнение, что теория дисфункций обладает более высоким уровнем обобщения, чем теория «ловушек», причем «говорить о «ловушечности» социальных явлений, это все равно что называть северное сияние или полярную ночь – «ловушками» (Сухарев, 2011. С. 138). *Размытость метафоры порождает неясность, неопределенность, оставляя широкое поле для ее интерпретаций.* Так, понятие «ловушка» в трактовке В. Полтеровича может показаться статическим, если понимать ее как Парето-субоптимальное равновесие по Нэшу (Балацкий, 2012), и в большей степени микроаналитическим, хотя «ловушки», как и дисфункции, объективно образуют многоуровневую иерархию, варьируясь в масштабах от нано- до мега- (Балацкий, 2006). Но не следует забывать, что это лишь одно из объяснений «ловушечной» метафоры. В частности, дисфункциональность не всегда является причиной возникновения «ловушек»: например, втягивание стран в «ловушку» неравенства порождает дисфункции в их развитии, ведя к расширенному воспроизводству бедности, структурным диспропорциям и деградации (Bebbington, 2008. P. 3-4). Ведь ловушка в исходном значении – это техническое приспособление (устройство) для поимки (захвата и ограничения движения) или уничтожения жертвы, включая капканы, волчьи ямы, охотничьи сети и др. Дисфункции могут стать причиной попадания «жертвы» в «ловушку», но не менее часто само нахождение в «ловушке» приводит к дисфункциональности и гибели.

Есть мнение, что институциональная «ловушка» по своей онтологической природе близка к явлению блокировки (lock-in effect) в технологическом развитии, описанному Б. Артуром (Arthur, 1989), который при этом четко разделял эффекты lock-in (негибкость) и path dependence (неэргодичность) (Arthur, 1994. P. 13). Представляется, что «ловушка» характеризует оба этих эффекта. С одной стороны, замыкание на определенном стандарте, контрагенте или модели поведения из-за чрезмерных затрат на переход – явно случай институциональной «ловушки». С другой стороны, выбор в пользу определенных институтов требует инвестиций, ведет к накоплению специфических компетенций и рутинизирует зависимость от траектории развития (Талеб, 2012. С. 75), затягивая неэргодическую систему в «ловушку» как своего рода аттрактор. Учитывая, что «мир, в котором мы живем, является неэргодическим – это мир постоянно возникающих новых изменений» (Норт, 2010. С. 32), потенциал возникновения «ловушечных» состояний огромен в аспектах и lock-in, и path dependence.

В свою очередь метафора дисфункции хороша тем, что апеллирует и к механистическим, и к биологическим аналогиям. Концепцию дисфункций фирмы неявно использовал О. Уильямсон; исследователи его творчества считают эту идею едва ли не ключевым прикладным результатом транзакционной теории (Baudry, Chassignon, 2010. P. 491). Но и уильямсоновская концепция, в свою очередь, базировалась на работах Р. Мертона, основоположника теории бюрократических дисфункций (Merton, 1957); вообще социологи организаций еще в середине XX в. уделяли особое внимание проблематике дисфункциональности (Gouldner, 1960; Perrow, 1961). Именно тогда был достигнут консенсус в понимании того факта, что все институты во всем многообразии конкретных форм их проявления всегда дисфункциональны по отношению к эталонному набору своих функций и оптимальным критериям их выполнения. Важно учитывать, что наборы функций и нормы функционирования институтов непрерывно и необратимо меняются в ходе их развития. Более того, сбои, ошибки, неудачи – нормальные элементы прогресса, а никак не патологии (Loasby, 2012. P. 839-840). Не случайно А. Грейф критикует норттовское определение институтов по их (мотивационной и рестриктивной) функциям, что, по его мнению, аналогично определению автомобиля как механизма, который перевозит людей, тогда как транспортировка людей – лишь одна из многих функций, которые он может выполнять (Greif,

2006. Р. 43). Явное или латентное абстрагирование от полифункциональности и постоянных рефункционализаций институтов способно завести в ловушку функционального детерминизма. Поскольку эволюцией всегда движет краткосрочная перспектива (Маркус, 2011. С. 21), то мониторинг и измерение институциональных дисфункций – не столь тривиальная задача, как может показаться, особенно в реалиях непрерывных рекомбинаций функций институтов и действия контроптоптимизационных эффектов отбора. В этом контексте статичным выглядит как раз дисфункциональный подход.

Вместе с тем теория дисфункций хорошо согласуется с теорией функциональной «тупости» (functional stupidity) организаций, описывающей недостаточно изученную сторону организационного поведения, которая связана с вовлечением агентов в субоптимальные модели действий и дисфункциональные паттерны мышления (dysfunctional thinking) (Alvesson and Spicer, 2012. Р. 1199), что требует анализа причин, форм проявления и механизмов дисфункциональности когнитивных и рефлексивных способностей компаний. Это направление теории институциональных дисфункций нуждается в активном развитии с выходом на интеграцию с концепцией рефункционализации бизнес-процессов фирмы (Фролов, Черных, 2008). Ведь в современном менеджменте все большее внимание обращается на конструктивные девиации (Galperin, 2003; Vadera, Pratt and Mishra, 2013), т. е. модели поведения агентов в интересах организации, связанные с целенаправленным нарушением неэффективных правил и процедур для получения необходимого результата. Позитивные девианты – инициативные идентификаторы дисфункций в институциональных системах и инноваторы рефункционализационных практик, поэтому их роль в организационном поведении должна быть переосмыслена в сторону повышения.

В целом, дисфункциональный подход в большей степени отвечает задачам анализа сбоев институционального проектирования, а «ловушечный» – изучению «проблемных зон» эволюции институтов. Очевидно, что дисфункции и «ловушки» являются однопорядковыми и взаимосвязанными явлениями, а противопоставление описывающих их теорий есть следствие «неверного прочтения» метафор.

3. Биологические метафоры: от «трансплантации» – к генетике

Наиболее часто биологические аналогии в институционализме создаются на основе обобщенной эволюционной теории (generalized evolutionary theory), формирующей общие принципы и методологические рамки для изучения различных сложных, развивающихся систем в природе и обществе. Принципиальное единство закономерностей и механизмов развития любых комплексных систем (как биологических, так и социальных) диктует необходимость рационального использования идей и концепций эволюционной биологии (Нельсон, Уинтер, 2002. С. 31). Ведь в экономике пока что нет объективного метода таксономизации, сопоставимого с биологической систематикой (Напарри, 2011. Р. 799), и, хотя экономическая эволюция гораздо сложнее и разнообразнее биологической, у этих процессов имеются определенные сходства, что отражается в близости (но не тождественности) теоретических интерпретаций (Nelson, 2012. Р. 913). Саморазвитие живой природы – «единственный доступный нам процесс совершенствования регулирования и гомеостаза очень сложных систем, свободный от человеческого вмешательства» (Лем, 2012. С. 62), к тому же «биологические концепции более сложны, чем теории механики» (Маршалл, 1993. С. 53). При этом «прямых аналогий, конечно, необходимо избегать. Но высшие формы движения реальности всегда сохраняют связь с менее развитыми, и особенно крепкую – с непосредственно предшествующими» (Иншаков, 2006б. С. 7), что имеет особое значение для методологии исследования эволюции хозяйственных систем, их институтов и механизмов институционализации.

Однако биологические аналогии в институциональной экономике далеко не всегда уместны и адекватны. Например, по замечанию Д. Норга, «на механизмы отбора в эволюционной теории Дарвина не влияют представления о конечных результатах», тогда как «экономические изменения по большей части являются сознательным процессом, формируемым представлениями участников о последствиях их действий» (Норт, 2010. С. 8–9), т. е. базируются на интенциональности агентов. Наряду с этим, «в дарвиновской экологической модели одним из важнейших определяющих факторов среды обитания особи является поведение других особей, а их поведение может в свою очередь зависеть от ожиданий в отношении поведения третьих особей» (Стиглиц, 2005. С. 604), т. е. все же неявно учитывается роль рефлексивности. На

наш взгляд, эволюционная интерпретация гораздо продуктивнее естественно-научных аналогий независимо от ламаркианского (*Hodgson, Knudsen, 2004*) и/или дарвиновского (*Laurent, Nightingale, 2001*) подхода к пониманию механизма эволюции, хотя опасность «биологического империализма» (*Dupre, 1994*) в экономической теории сохраняется. В этом смысле конструктивная критика экономистами биологических метафор, имеющая долгую историю (*Penrose, 1952*), крайне необходима, тем более что эвристическая ценность аналогий из области эволюционной биологии все еще дискутируется (*Levallois, 2011*). Так, с точки зрения Э. Пенроуз, представление фирм как аналогов организмов не оставляет места мотивации и принятию решений (*Penrose, 1955. P. 531*), сводя к минимуму роль человеческого фактора. Правда, по саркастическому замечанию Н. Фосса, ее собственные работы в области теории эндогенного роста фирмы (*Penrose, 1959*) очень близки по духу и методологии именно эволюционной экономике (*Foss, 1998. P. 483*).

Но и в самой эволюционной биологии методологические конвенции достаточно «мягки», они часто подвергаются сомнению и пересматриваются. *Экономисты, как и представители других общественных наук, рискуют принять на веру спорные или устаревшие биологические конвенции*, поэтому важно ориентироваться на «передний край» исследований. Использование передовых разработок в области эволюционной биологии позволяет выйти на оригинальные концептуальные решения. Так, П. Лукша развивает эволюционную теорию фирмы (*Лукша, 2009*), опираясь на биологическую концепцию конструирования ниши (*Odling-Smee, Laland, Feldman, 2003*). Биологи еще с 1980-х гг. пытаются преодолеть стереотип об экзогенной среде как главном механизме естественного отбора, который отводит организмам пассивную роль «адапторов» к внешним изменениям и «трансляторов» генетической информации, что явно следует из концепции расширенного фенотипа Р. Докинза (*Докинз, 2010*).

Эволюционные изменения (dO/dt) традиционно полагались зависимыми как от отдельных организмов и их групп (O), так и от среды их обитания (E), тогда как средовые изменения (dE/dt) принимались независимыми от активности организмов: $dO/dt = f(O, E)$, $dE/dt = g(E)$. Попытка преодолеть своеобразный экстернализм традиционной теории эволюции выражается в модернизации формулы: $dE/dt = g(O, E)$ (*Lewontin, 1983*), что приводит к переосмыслению эволюции как процесса непрерывных прямых и обратных взаимодействий организмов и их экологических ниш с акцентом на отбор факторов среды видом и передачи реконструированной окружающей среды новым поколениям (*Laland et al., 2009*). Другими словами, «вид бизнеса может и сам играть более активную роль в формировании окружающей среды, стараясь сделать ее более подходящей для себя» (*Коллис, Гевамат, 2004. С. 290*). Фирмы и их бизнес-ландшафты взаимовлияют друг на друга, причем организации фактически проводят эволюционный отбор наиболее эффективных ресурсов и трансформируют ближнюю рыночную среду сообразно своим потребностям и возможностям в рамках конструктивной стратегии развития.

Сложнейшие проблемы транснациональной институциональной динамики получили теоретическое освещение в разрабатываемой В. Полтеровичем теории «трансплантации» институтов, т. е. их копирования из более развитых хозяйственных систем в менее развитые с целью ускорения развития последних (*Полтерович, 2001. С. 24*). Прототипом данной теории, видимо, является теория «трансплантации» организаций, представленная в работах социологов Р. Флориды и М. Кинни, посвященных «международному трансферу организационных форм и практик» (*Florida, Kenney, 1991. P. 381*). Авторы предположили, что взаимодействие организаций и среды происходит в обоих направлениях, поскольку организации часто обладают ресурсами изменения нового бизнес-ландшафта с учетом своих функциональных потребностей и ресурсов (*Kenney, Florida, 1995*). Эта идея отражена и в концепции конструирования ниши П. Лукши, тогда как теория В. Полтеровича демонстрирует свою односторонность, поскольку отдает приоритет давлению эволюционного отбора со стороны среды, опираясь на устаревшие стереотипы биологической науки. Поэтому выделенные им наиболее распространенные «трансплантационные дисфункции» (*Полтерович, 2001. С. 29–33*) обусловлены исключительно несоответствием скопированного института параметрам новой среды.

Современная экономическая наука в целом уже «отошла от принципа механистичности к рассмотрению динамичного, эволюционного развития, а также к анализу возникающих сложных адаптивных систем» (*Варго, Лаш, 2006. С. 101*), постепенно переходя к определению состава предельных элементов («генов») хозяйственных систем и способов их изменения, отбора и насле-

дования. Интересно, что в генетике – одной из изначально наиболее точных фундаментальных биологических наук – метафоризация стала вынужденным методом создания гипотетических схем в условиях эмпиридефицита; в результате количество метафор непрерывно росло, повышая «эзотеричность» терминологического аппарата (Седов, 2000) и требуя постоянной конвенционализации трактовок образных понятий в глоссариях. Поэтому использование соответствующих аналогий ощутимо сдерживается необходимостью значительных узкоспециализированных знаний.

Первые генетические метафоры в институционализме восходят к эволюционной теории рутин Р. Нельсона и С. Уинтера, с точки зрения которых главная «задача дисциплины «организационная генетика» – понять, каким образом действует непрерывность рутинизированного поведения, направляя в должное русло организационные изменения» (Нельсон, Уинтер, 2002. С. 187), что предполагает интерпретацию комплексов рутин как своеобразных генотипов организаций. По мнению Дж. Ходжсона, «преобладающее влияние рутинизированного поведения можно обнаружить во всех социальных институтах», из чего он заключает, что «как и в фирме, во всех этих институтах рутины выступают в роли генов» (Ходжсон, 2003. С. 217), обеспечивая наследование благоприобретенных признаков. *Переход от организационной генетики к генетике институциональной явно затянулся*, хотя предприняты интересные попытки адаптации к теории институционализма биологических эффектов «бутылочного горлышка» (bottleneck effect) и основателя (founder effect), характеризующих генетическую изменчивость и дрейф генов (Вольчик, 2005).

Перспективным представляется генетический анализ институтов с позиций теории экономической генетики, методологические принципы которой можно тезисно представить следующим образом (Иншаков, 2006а. С. 56–64; Иншаков, 2007):

1. Сущность генов экономических систем принципиально иная, чем у генов биологических систем, что не снимает проблемы ее изучения.

2. Экономические гены представляют собой комбинации эндогенных факторов производства в конкретном целевом действии актора.

3. В осуществлении любого действия и любой деятельности, в создании любого продукта (Q) наравне с предметными, трансформационными (Tf) факторами – человеческим (A), техническим (T) и материальным (M), – участвуют социально-полевые, трансакционные (Ta) факторы производства – институциональный (Ins), организационный (O) и информационный (Inf): $Q = f(Tf, Ta) = f(A, T, M, Ins, O, Inf)$.

4. Все хозяйственные системы без исключения образуются из разнообразных комбинаций одних и тех же, общих для них элементарных дискретных оснований – эндогенных факторов человеческой деятельности.

Представленная формула метапроизводственной функции на деле воплощает необоснованно проигнорированный экономистами-теоретиками призыв Э. Фуруботна и Р. Рихтера, указывавших, что «эндогенизация институтов критически важна для современной исследовательской программы новой институциональной экономической теории» (Фуруботн, Рихтер, 2005. С. 10). Этот тезис впоследствии актуализировал М. Аоки (Аоки, 2007) и поддержал Г. Клейнер (Клейнер, 2006. С. 114, 120). Институциональный фактор рассматривается как объективно необходимый элемент любого акта и процесса человеческой деятельности, особый вид эндогенных продуктивно действующих сил, обеспечивающий дифференциацию и типизацию производительных функций агентов в ходе общественного разделения труда; их индивидуальное и групповое, процессное и предметное социальное закрепление в нормах, правилах, договорах и порядках совместной деятельности; интеграцию и стратификацию субъектов и объектов экономических отношений по их статусу и роли в системе общественного воспроизводства. При этом разграничиваются понятия институтов и институций. Институции – это статусные функции субъектов, объектов, процессов и результатов экономической деятельности. Институты – генотипические функционально-структурные модели экономических отношений, типовые комплексы элементарных институций для организации специализированных трансакций (Иншаков, Фролов, 2010). Этот методологический шаг позволяет преодолеть трактовку институтов как внешних детерминантов индивидуального и коллективного поведения (своего рода «экзоскелета» экономической системы), а также отказаться от абсолютизации их роли в эволюции хозяйства в отрыве от других трансформационных и трансакционных факторов. Так метафора гена позволяет точнее понять сложную интраструктуру институциональных систем.

Заключение

Так что же все-таки такое метафоры институционализма – «врожденный порок» или «ведущая ось» методологии этого направления? Проведенный обзор показывает, что однозначный ответ на этот вопрос вряд ли возможен, но, тем не менее, позволяет сформулировать некоторые промежуточные выводы.

Во-первых, метафоризм – объективная ступень, необходимая стадия изучения сложных явлений. Метафоризм, с одной стороны, это способ преодоления редукционизма, акцентирования новых аспектов анализируемых объектов; с другой стороны, образность всегда порождает нечеткость и полисемантичесность, что сдерживает собственно теоретический анализ, выводя его в плоскость интуитивных блужданий. Метафоры в научных исследованиях в лучшем случае уместны, поэтому построение институциональной теории на преимущественно образных понятиях едва ли перспективно. Вместе с тем, в новых областях изучения институтов без применения аналогий и ассоциативных конструкций объективно не обойтись.

Во-вторых, использование аналогий в любой науке предполагает ее ориентацию на наиболее доступные для восприятия смежные области знаний, т. е. скорее на мейнстрим, чем на авангард других наук. Длительное доминирование в экономической теории механистических метафор и аналогий из ньютоновской физики связано не с тем, что познание сложных систем начинается издалека, а с их большей понятностью неспециалистам. Поэтому с таким трудом «приживаются» аналогии из квантовой физики и биогенетики. Когнитивный бенчмаркинг лучших теорий (как аналогов лучших практик в бизнесе) в смежных сферах научного поиска – один из магистральных векторов прогресса институционального анализа. При этом следует учитывать, что физические, в том числе механистические метафоры наиболее адекватны для ассоциативной характеристики статистики и кинетики институциональных систем, тогда как биологические – для образного описания принципов и способов их эволюции.

В-третьих, метафоризм и формализм – крайние полюса диапазона экономической методологии. Метафоризм терминологии лишь оттеняет, но не отменяет гораздо более высокого эвристического потенциала институционального анализа по сравнению с неоклассическим подходом с его высокоформализованным языком. Исходя из теорем К. Геделя, противоречивость (как и непротиворечивость) неоклассической аксиоматики невозможно доказать, исходя из самих этих аксиом, поэтому аналогии (даже туманные) и метафоры (не всегда убедительные) институционализма выполняют главную задачу – «расшатывают» наиболее глубокие, аксиоматические основы неоклассического мейнстрима современной экономической теории.

ЛИТЕРАТУРА

- Алле М. (1995). Экономика как наука. М.: Наука для общества; РГГУ.
- Ананьин О.И. (2013). Онтологические предпосылки экономических теорий. М.: Институт экономики РАН.
- Балацкий Е. (2006). Глобальные институциональные ловушки: сущность и специфика // *Мировая экономика и международные отношения*, № 9, с. 102–107.
- Балацкий Е.В. (2012). Институциональные и технологические ловушки: анализ идей // *Журнал экономической теории*, № 2, с. 48–63.
- Бурдые П. (2007). Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Вайнберг С. (2004). Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы. М.: Едиториал УРСС.
- Варго С., Лаш Р. (2006). Развитие новой доминирующей логики маркетинга // *Российский журнал менеджмента*, т. 4, № 2, с. 73–106.
- Вольчик В.В. (2005). Нейтральные рынки, ненейтральные институты и экономическая эволюция / В кн.: Нуреев Р.М., Дементьева В.В. (ред.) *Постсоветский институционализм*. Донецк: Каштан.
- Додин Д.В., Коваленко И.Г. (2009). Многообразие запутанности как характеристика составных квантовых систем: случай двух кубитов // *Вестник Волгоградского гос. ун-та*. Сер. 1: Математика, физика, № 12, с. 103–107.
- Докинз Р. (2010). Расширенный фенотип: длинная рука гена. М.: Астрель: CORPUS.
- Ерзнкян Б.А. (2003). Этот «дырявый» мир неоклассики, или место институционализма в экономической науке / В кн.: Клейнер Г.Б. (ред.) *Россия: тенденции и перспективы развития: сб. докл. Третьей междунар. конф.*, Москва, 17 дек. 2002. М.: ЦЭМИ РАН.

Занг В.-Б. (1999). Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М.: Мир.

Иншаков О.В. (2006а). Простые основания сложных экономических систем // *Журнал экономической теории*, № 3, с. 56–76.

Иншаков О.В. (2007). Экономическая генетика и наноэкономика. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

Иншаков О.В. (2006б). Экономическая генетика как основа эволюционной экономики // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3: Экономика, экология*, № 10, с. 11–18.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. (2007). Институциональность экономического пространства в концепции пространственной экономики // *Пространственная экономика*, № 1, с. 5–21.

Иншаков О.В., Фролов Д.П. (2010). Лингвистика институциональной экономики. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

Кирдина С.Г. (2012). Объяснительные и прогностические возможности институциональных экономических теорий / В кн.: *Архипов А.Ю., Кирдина С.Г., Мартишин Е.М. (ред.) Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения*. СПб.: Алетейя.

Клейнер Г.Б. (2006). Новая институциональная экономика: на пути к «сверхновой» // *Российский журнал менеджмента*, т. 4, № 1, с. 113–122.

Клейнер Г.Б. (2004). Эволюция институциональных систем. М.: Наука.

Коллис Д., Гевамат П. (2004). «Топографическая» съемка бизнес-ландшафта / В кн.: *Фазй Л., Рэнделл Р. (ред.) Курс МВА по стратегическому менеджменту*. М.: Альпина Бизнес Букс.

Ланир Дж. (2011). Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель; CORPUS.

Лем С. (2012). Сумма технологий. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат.

Лукша П.О. (2009). Стратегии конструирования ниши в ситуациях технологического доминирования (случай Java и Sun Microsystems). М.: Институт экономики РАН.

Мамардашвили М.К. (2002). Философские чтения. М.: Азбука-классика.

Маркс К. (2010). Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект.

Маркус Г. (2011). Несовершенный человек: Случайность эволюции мозга и ее последствия. М.: Альпина нон-фикшн.

Мартыненко А.П. (2001). Вакуум в современной квантовой теории // *Соросовский образовательный журнал*, т. 7, № 5, с. 86–91.

Маршалл А. (1993). Принципы экономической науки: в 3 т., т. I. М.: Прогресс.

Монин А.С., Шишков Ю.А. (2000). Климат как проблема физики // *Успехи физических наук*, т. 170, № 4, с. 419–445.

Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. (2002). Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело.

Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.

Полтерович В.М. (2006а). Предисловие редактора / В кн.: *Попов Е.В., Лесных В.В.* Институциональные ловушки Полтеровича и трансакционные издержки. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН.

Полтерович В.М. (2006б). Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // *Экономика и математические методы*, т. 42, № 1, с. 3–18.

Полтерович В.М. (2001). Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*, № 3, с. 24–50.

Попов Е.В. (2008). Модель эволюции институтов // *ЭКО*, № 9, с. 37–50.

Самуэльсон П. (2004). Принцип максимум в экономическом анализе / В кн.: *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т., т. V., в 2 кн., кн. 1.* Фетисов Г.Г. (отв. ред.) Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов. М.: Мысль.

Седов А.Е. (2000). Метафоры в генетике // *Вестник РАН*, т. 70, № 6, с. 526–534.

Сокулер З.А. (2003). Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё (научно-аналитический обзор) / В кн.: *Гирко Л.В. (отв. ред.) Социальное пространство: междисциплинарные исследования: реф. сб.* М.: ИНИОН РАН.

Стиглиц Дж. (2005). Информация и смена парадигмы в экономической науке / В кн.: *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков, в 5 т., т. V., в 2 кн., кн. 2.* Фетисов Г.Г. (отв. ред.) Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов. М.: Мысль.

- Сухарев О. (2002). Концепции экономической дисфункции и эволюция фирмы // *Вопросы экономики*, № 10, с. 70–81.
- Сухарев О.С. (2012). Новый институционализм: «ловушки», транзакционные издержки, «теорема Коуза» и время // *TERRA ECONOMICUS*, т. 10, № 3, с. 39–57.
- Сухарев О.С. (2011). Экономика будущего: теория институциональных изменений (новый эволюционный подход). М.: Финансы и статистика.
- Талев Н.Н. (2012). О секретах устойчивости: Эссе; Прокрустово ложе: Философские и житейские афоризмы. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.
- Томпсон Р.Л. (1998). Механистическая и немеханистическая наука. М.: Философская Книга.
- Уильямсон О.И. (1996). Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат; CEV Press.
- Фролов Д. (2011а). Парадокс транзакционных издержек // *Экономист*, № 5, с. 75–85.
- Фролов Д. (2011b). Теория кризисов после кризиса: технологии versus институты // *Вопросы экономики*, № 7, с. 17–33.
- Фролов Д., Черных В. (2008). Рефункционализация как механизм изменения институциональной структуры фирмы // *Проблемы теории и практики управления*, № 5, с. 21–26.
- Фролов К.В. (ред.) (2008). Современная трибология: итоги и перспективы. М.: Изд-во ЛКИ.
- Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. (2005). Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Изд. дом СПбГУ.
- Харитонов В.В., Ежов А.А. (ред.) (2007). Эконофизика. Современная физика в поисках экономической теории. М: МИФИ.
- Ходжсон Дж. (2003). Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело.
- Шаститко А.Е. (2002). Новая институциональная экономическая теория. М.: Экон. фак. МГУ; ТЕИС.
- Alvesson M., Spicer A. (2012). A Stupidity-Based Theory of Organizations // *Journal of Management Studies*, vol. 49, no. 7, pp. 1194–1220.
- Aoki M. (2007). Endogenizing institutions and institutional changes // *Journal of Institutional Economics*, vol. 3, no. 1, pp. 1–31.
- Arthur W.B. (1989). Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // *Economic Journal*, vol. 99, no. 1, pp. 116–131.
- Arthur W.B. (1994). Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Baudry B., Chassagnon V. (2010). The close relation between organization theory and Oliver Williamson's transaction cost economics: a theory of the firm perspective // *Journal of Institutional Economics*, vol. 6, no. 4, pp. 477–503.
- Bebbington A.J. et al. (2008). Inequalities and Development: Dysfunctions, Traps, and Transitions / In: *Bebbington A.J., Dani A.A., de Haan A. and Walton M.* Institutional pathways to equity: addressing inequality traps. Washington, DC: The World Bank.
- Brown T.L. (2003). Making truth: metaphor in science. Champaign, IL: University of Illinois Press.
- Burt R.S. (1995). Structural holes: the social structure of competition. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Cockshott W.P., Cottrell A.F. (2009). Classical econophysics, London: Routledge.
- Laurent J., Nightingale J. (eds.) (2001). Darwinism and Evolutionary Economics. Northampton: Edward Elgar Publishing.
- Dequech D. (2013). Economic institutions: explanations for conformity and room for deviation // *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, no. 1, pp. 81–108.
- Dopfer K. (2006). Rule-Based Economics // In: Эволюционная теория, инновации и экономические изменения: VI Междунар. симпоз. по эволюц. экономике (г. Пущино, Москов. обл., Россия, 23–24 сентября 2005 г.). М.: Институт экономики РАН.
- Dupre J. (1994). Against scientific imperialism. *PSA*, vol. 2. Proceedings of the 1994 Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association, pp. 374–381.

- Florida R., Kenney M. (1991). Transplanted Organizations: The Transfer of Japanese Industrial Organization to the U.S. // *American Sociological Review*, vol. 56, no. 3, pp. 381–398.
- Foss N.J. (1998). The competence-based approach: Veblenian ideas in the modern theory of the firm // *Cambridge Journal of Economics*, vol. 22, no. 4, pp. 479–495.
- Galperin B.L. (2003). Can workplace deviance be constructive? / In: Sagie A., Stashevsky S., Koslowsky M. (eds.) *Misbehavior and dysfunctional attitudes in organizations*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Gouldner A.W. (1960). The Norm of Reciprocity: A Preliminary Statement // *American Sociological Review*, vol. 25, no. 2, pp. 161–179.
- Greif A. (2006). *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade*, Cambridge University Press.
- Hanappi D. (2011). Economic Action, Fields and Uncertainty // *Journal of Economic Issues*, vol. XLV, no. 4, pp. 785–803.
- Hodgson G.M. (1999). *Economics and Utopia: why the learning economy is not the end of history*. London: Routledge.
- Hodgson G.M., Knudsen T. (2004). The firm as an interactor: firms as vehicles for habits and routines // *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 14, no. 3, pp. 281–307.
- Kenney M., Florida R. (1995). The Transfer of Japanese Management Styles in Two US Transplant Industries: Autos and Electronics // *Journal of Management Studies*, vol. 32, no. 6, pp. 789–802.
- Laland K.N. et al. (2009). Conceptual Barriers to Progress Within Evolutionary Biology / In: Laland K.N., Odling-Smee J., Feldman M.W., Kendal J. *Foundations of Science*, vol. 14, no. 3, pp. 195–216.
- Levallois C. (2011). Why Were Biological Analogies in Economics «A Bad Thing»? Edith Penrose's Battles against Social Darwinism and McCarthyism // *Science in Context*, vol. 24, no. 4, pp. 465–485.
- Lewontin R.C. (1983). Gene, organism, and environment / In: Bendall D.S. (ed.) *Evolution from Molecules to Men*. Cambridge University Press.
- Loasby B.J. (2012). Building systems // *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 22, no. 4, pp. 833–846.
- Merton R. (1957). *Social Theory and Social Structure*. N.Y.: Free Press.
- Nelson R.R. (2012). Why Schumpeter has had so little influence on today's main line economics, and why this may be changing // *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 22, no. 5, pp. 901–916.
- Neurath O. (1931). Soziologie im Physikalismus // *Erkenntnis*, vol. 2, no. 1, pp. 393–431.
- Odling-Smee F., Laland K., Feldman M. (2003). *Niche Construction: The Neglected Process in Evolution*. N.Y.: Princeton University Press.
- Penrose E.T. (1952). Biological analogies in the theory of the firm // *American Economic Review*, vol. 42, no. 5, pp. 804–819.
- Penrose E.T. (1955). Limits to the growth and size of firms // *American Economic Review*, vol. 45, no. 2, pp. 531–543.
- Penrose E.T. (1959). *The Theory of the Growth of the Firm*. N.Y.: Oxford University Press.
- Perrow Ch. (1961). Organizational Prestige: Some Functions and Dysfunctions // *American Journal of Sociology*, vol. 66, no. 4, pp. 335–341.
- Vadera A.K., Pratt M.G., Mishra P. (2013). Constructive Deviance in Organizations: Integrating and Moving Forward // *Journal of Management* (forthcoming). Available at: <http://jom.sagepub.com/content/early/2013/02/26/0149206313475816>.
- Williamson O.E. (1993). Transaction Cost Economics and Organization Theory // *Industrial and Corporate Change*, vol. 2, no. 2, pp. 107–150.

REFERENCES

- Alle M. (1995). *Economy as science*. Moscow: Science for society; Russian State University for the Humanities. (In Russian.)
- Ananyin O.I. (2013). *Ontologic preconditions of economic theories*. Moscow: Institute of economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russian.)
- Balatsky E. (2006). Global institutional traps: essence and specifics. *World economy and international relations*, no. 9, pp. 102–107. (In Russian.)

- Balatsky E.V. (2012). Institutional and technological traps: analysis of ideas. *Journal of economic theory*, no. 2, pp. 48–63. (In Russian.)
- Bourdieu P. (2007). Social space: fields and practitioners. Moscow: Institute of experimental sociology; Saint-Petersburg: Aleteya. (In Russian.)
- Dodin D.V. and Kovalenko I.G. (2009). Variety of a complexity as characteristic of compound quantum systems: case of two q-bits. *Bulletin of Volgograd State University*. Ser. 1: Mathematics, physics, no. 12, pp. 103–107. (In Russian.)
- Dokinz R. (2010). Expanded phenotype: long hand of a gene. Moscow: Astrel: CORPUS. (In Russian.)
- Erzynyay B.A. (2003). This «full of holes» world of neoclassics, or institutionalism's place in economic science / In: Kleyner G.B. (ed.) Russia: tendencies and development prospects: proceedings of 3rd intern. conf., Moscow, 17 Dec. 2002. Moscow: CEMI of the Russian Academy of Sciences. (In Russian.)
- Frolov D. (2011a). Paradox of transaction costs. *Economist*, no. 5, pp. 75–85. (In Russian.)
- Frolov D. (2011b). The theory of crises after crisis: technologies versus institutions. *Voprosy Ekonomiki*, no. 7, pp. 17–33. (In Russian.)
- Frolov D. and Chernykh V. (2008). Refunctionalization as mechanism of change of institutional structure of firm. *Problems of theory and practice of management*, no. 5, pp. 21–26. (In Russian.)
- Frolov K.V. (ed.) (2008). Modern tribology: results and prospects. Moscow: LKI. (In Russian.)
- Furubotn E.G and Richter R. (2005). Institutions and economic theory: Achievements of the new institutional economic theory. Saint-Petersburg: S.-Petersburg State University. (In Russian.)
- Hodgson G. (2003). Economic theory and institutions: Manifesto of modern institutional economic theory. Moscow: Delo Publ. (In Russian.)
- Inshakov O.V. (2006b). Economic genetics as basis of evolutionary economics. *Bulletin of Volgograd State University*. Ser. 3: Economics, ecology, no. 10, pp. 11–18. (In Russian.)
- Inshakov O.V. (2006a). Simple bases of complex economic systems. *Journal of economic theory*, no. 3, pp. 56–76. (In Russian.)
- Inshakov O.V. (2007). Economic genetics and nanoeconomics. Volgograd: VolSU. (In Russian.)
- Inshakov O.V. and Frolov D.P. (2007). Institutionality of economic space in the concept of spatial economics. *Spatial economics*, no. 1, pp. 5–21. (In Russian.)
- Inshakov O.V. and Frolov D.P. (2010). Linguistics of institutional economics, Volgograd: VolSU. (In Russian.)
- Kharitonov V.V. and Yezhov A.A. (eds.) (2007). Econophysics. Modern physics in search of the economic theory, Moscow: MEFPhI. (In Russian.)
- Kirdina S.G. (2012). Explanatory and predictive opportunities of institutional economic theories / In: Arhipov A.Yu., Kirdina S.G., Martishin E.M. (eds.) Evolutionary and institutional economic theory: discussions, methods and appendices. Saint-Petersburg: Aleteya. (In Russian.)
- Kleyner G.B. (2004). Evolution of institutional systems. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)
- Kleyner G.B. (2006). New institutional economics: on a way to «super-new». *Russian journal of management*, vol. 4, no. 1, pp. 113–122. (In Russian.)
- Kollis D. and Gevamat P. (2004). «Topographical» shooting of a business landscape. In: Faey L. and Rendall R. (ed.) MBA course on strategic management. Moscow: Alpina Business Books. (In Russian.)
- Lanir J. (2011). You are not gadget. Manifesto. Moscow: Astrel; CORPUS. (In Russian.)
- Lem S. (2012). Summa Technologiae. Moscow: AST; Astrel; Poligrafizdat. (In Russian.)
- Luksha P.O. (2009). Strategy of niche construction in situations of technological domination (Java and Sun Microsystems case). Moscow: Institute of economics of the RAS. (In Russian.)
- Mamardashvili M.K. (2002). Philosophical readings. Moscow: Azbuka-classics. (In Russian.)
- Marcus G. (2011). Imperfect person: Accident of evolution of a brain and its consequence. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russian.)
- Marshall A. (1993). Principles of economics, vol. I. Moscow: Progress. (In Russian.)
- Martynenko A.P. (2001). Vacuum in the modern quantum theory. *Sorosovsky educational journal*, vol. 7, no. 5, pp. 86–91. (In Russian.)
- Marx K. (2010). Economic and philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works. Moscow: Academic project. (In Russian.)
- Monin A.S. and Shishkov Yu.A. (2000). Climate as physics problem. *Successes of physical sciences*, vol. 170, no. 4, pp. 419–445. (In Russian.)

- Nelson R. and Winter S. (2002). Evolutionary theory of economic changes. Moscow: Delo Publ. (In Russian.)
- North D. (2010). Understanding of process of economic changes. Moscow: HSE. (In Russian.)
- Polterovich V.M. (2001). Transplantation of economic institutions. *Economic science of modern Russia*, no. 3, pp. 24–50. (In Russian.)
- Polterovich V.M. (2006b). Strategy of institutional reforms. Perspective trajectories. *Economics and mathematical methods*, vol. 42, no. 1, pp. 3–18. (In Russian.)
- Polterovich V.M. (2006a). Preface of the editor. In: Popov E.V., Lesnykh V.V. Polterovich's institutional traps and transaction costs. Yekaterinburg: Institute of economics of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian.)
- Popov E.V. (2008). Model of evolution of institutions. *EKO*, no. 9, pp. 37–50. (In Russian.)
- Samuelson P. (2004). The principle of maximum in the economic analysis / In: Fetisov G.G. (ed.) World economic thought. Through a prism of centuries, vol. V. World recognition: Lectures of the Nobel Prize Laureates, book 1. Moscow: Thought. (In Russian.)
- Sedov A.E. (2000). Metaphors in genetics. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, vol. 70, no. 6, pp. 526–534. (In Russian.)
- Shastitko A.E. (2002). New institutional economic theory. Moscow: Moscow State University Publ.; TEIS. (In Russian.)
- Sokuler Z.A. (2003). Social and geographical spaces in the concept of P. Bourdieu (scientific review) / In: Girko. L.V. (ed.) Social space: interdisciplinary researches. Moscow: INION of the Russian Academy of Science. (In Russian.)
- Stiglitz G. (2005). Information and paradigm change in economic science / In: Fetisov G.G. (ed.) World economic thought. Through a prism of centuries, vol. V (World recognition: Lectures of the Nobel Prize Laureates, book 2. Moscow: Thought. (In Russian.)
- Sukharev O. (2002). Concepts of economic dysfunction and firm evolution. *Voprosy Ekonomiki*, no. 10, pp. 70–81. (In Russian.)
- Sukharev O.S. (2011). Future economy: theory of institutional changes (new evolutionary approach), Moscow: Finance and statistics. (In Russian.)
- Sukharev O.S. (2012). New institutionalism: «traps», transaction costs, «Coase theorem» and time. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 3, pp. 39–57. (In Russian.)
- Taleb N.N. (2012). About stability secrets: Essay; Procrustean bed: Philosophical and everyday aphorisms. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus. (In Russian.)
- Thompson R.L. (1998). Mechanistic and not mechanistic science. Moscow: Philosophical Book. (In Russian.)
- Vargo S. and Lush R. (2006). Development of new dominating logic of marketing. *Russian journal of management*, vol. 4, no. 2, pp. 73–106. (In Russian.)
- Volchik V.V. (2005). Neutral markets, not neutral institutes and economic evolution. In: Nureev R.M. and Demytyev V.V. (ed.) Post-Soviet institutionalism. Donetsk: Kashtan. (In Russian.)
- Weinberg S. (2004). Dreams of the final theory: Physics in search of the most fundamental laws of the nature. Moscow: URSS Publ. (In Russian.)
- Williamson O.I. (1996). Economic institutions of capitalism: firms, markets, «relational» contracting. SPb.: Lenizdat; CEV Press. (In Russian.)
- Zang V.-B. (1999). Synergetic economics. Time and changes in the nonlinear economic theory. Moscow: Mir Publ. (In Russian.)
- Alvesson M. and Spicer A. (2012). A Stupidity-Based Theory of Organizations. *Journal of Management Studies*, vol. 49, no. 7, pp. 1194–1220.
- Aoki M. (2007). Endogenizing institutions and institutional changes. *Journal of Institutional Economics*, vol. 3, no. 1, pp. 1–31.
- Arthur W.B. (1989). Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events. *Economic Journal*, vol. 99, no. 1, pp. 116–131.
- Arthur W.B. (1994). Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Baudry B. and Chassagnon V. (2010). The close relation between organization theory and Oliver Williamson's transaction cost economics: a theory of the firm perspective. *Journal of Institutional Economics*, vol. 6, no. 4, pp. 477–503.

- Bebbington A.J. et al.* (2008). Inequalities and Development: Dysfunctions, Traps, and Transitions / In: *Bebbington A.J., Dani A.A., de Haan A. and Walton M.* Institutional pathways to equity: addressing inequality traps. Washington, DC: The World Bank.
- Brown T.L.* (2003). Making truth: metaphor in science. Champaign, IL: University of Illinois Press.
- Burt R.S.* (1995). Structural holes: the social structure of competition. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Cockshott W.P. and Cottrell A.F.* (2009). Classical econophysics, London: Routledge.
- Dequech D.* (2013). Economic institutions: explanations for conformity and room for deviation. *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, no. 1, pp. 81–108.
- Dopfer K.* (2006). Rule-Based Economics. In: Evolutionary theory, innovations and economic change: VI International Symposium on Evolutionary Economics (Puschino, Moscow region, Russia, 23–24 September, 2005). Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.
- Dupre J.* (1994). Against scientific imperialism. *PSA*, vol. 2. Proceedings of the 1994 Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association, pp. 374–381.
- Florida R. and Kenney M.* (1991). Transplanted Organizations: The Transfer of Japanese Industrial Organization to the U.S. *American Sociological Review*, vol. 56, no. 3, pp. 381–398.
- Foss N.J.* (1998). The competence-based approach: Veblenian ideas in the modern theory of the firm. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 22, no. 4, pp. 479–495.
- Galperin B.L.* (2003). Can workplace deviance be constructive? / In: *Sagie A., Stashevsky S. and Koslowsky M. (eds.)* Misbehavior and dysfunctional attitudes in organizations. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Gouldner A.W.* (1960). The Norm of Reciprocity: A Preliminary Statement. *American Sociological Review*, vol. 25, no. 2, pp. 161–179.
- Greif A.* (2006). Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade, Cambridge University Press.
- Hanappi D.* (2011). Economic Action, Fields and Uncertainty. *Journal of Economic Issues*, vol. XLV, no. 4, pp. 785–803.
- Hodgson G.M.* (1999). Economics and Utopia: why the learning economy is not the end of history. London: Routledge.
- Hodgson G.M. and Knudsen T.* (2004). The firm as an interactor: firms as vehicles for habits and routines. *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 14, no. 3, pp. 281–307.
- Kenney M. and Florida R.* (1995). The Transfer of Japanese Management Styles in Two US Transplant Industries: Autos and Electronics. *Journal of Management Studies*, vol. 32, no. 6, pp. 789–802.
- Laland K.N. et al.* (2009). Conceptual Barriers to Progress Within Evolutionary Biology / In: *Laland K.N., Odling-Smee J., Feldman M.W. and Kendal J.* Foundations of Science, vol. 14, no. 3, pp. 195–216.
- Laurent J. and Nightingale J. (eds.)* (2001). Darwinism and Evolutionary Economics. Northampton: Edward Elgar Publishing.
- Levallois C.* (2011). Why Were Biological Analogies in Economics «A Bad Thing»? Edith Penrose's Battles against Social Darwinism and McCarthyism. *Science in Context*, vol. 24, no. 4, pp. 465–485.
- Lewontin R.C.* (1983). Gene, organism, and environment / In: *Bendall D.S. (ed.)* Evolution from Molecules to Men. Cambridge University Press.
- Loasby B.J.* (2012). Building systems. *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 22, no. 4, pp. 833–846.
- Merton R.* (1957). Social Theory and Social Structure. N.Y.: Free Press.
- Nelson R.R.* (2012). Why Schumpeter has had so little influence on today's main line economics, and why this may be changing. *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 22, no. 5, pp. 901–916.
- Neurath O.* (1931). Soziologie im Physikalismus. *Erkenntnis*, vol. 2, no. 1, pp. 393–431.
- Odling-Smee F., Laland K. and Feldman M.* (2003). Niche Construction: The Neglected Process in Evolution. N.Y.: Princeton University Press.
- Penrose E.T.* (1952). Biological analogies in the theory of the firm. *American Economic Review*, vol. 42, no. 5, pp. 804–819.

Penrose E.T. (1955). Limits to the growth and size of firms. *American Economic Review*, vol. 45, no. 2, pp. 531–543.

Penrose E.T. (1959). *The Theory of the Growth of the Firm*. N.Y.: Oxford University Press.

Perrow Ch. (1961). Organizational Prestige: Some Functions and Dysfunctions. *American Journal of Sociology*, vol. 66, no. 4, pp. 335–341.

Vadera A.K., Pratt M.G. and Mishra P. (2013). Constructive Deviance in Organizations: Integrating and Moving Forward. *Journal of Management* (forthcoming). Available at: <http://jom.sagepub.com/content/early/2013/02/26/0149206313475816>.

Williamson O.E. (1993). Transaction Cost Economics and Organization Theory. *Industrial and Corporate Change*, vol. 2, no. 2, pp. 107–150.